

Л. С. Лаврентьева

О ПЛАТКЕ

Мать Покров! Покрой землю
снежком, меня молоду платком

Изучая русские материалы иллюстративного фонда отдела Европы, я обратила внимание на два снимка с изображениями девушки и женщины в необычно повязанных платках. Фотографии были сняты в однодворческом с. Долгое Даньковского у. Рязанской губ. (рис. 1, 2). (Однодворцы — это потомки служилых людей, в большинстве из замосковных уездов. Как социальный слой однодворцы занимали промежуточное положение между крестьянами и мелкими помещиками, не сливаясь ни с теми ни с другими, и этим объясняется сохранение у них своеобразных особенностей в costume, типе жилища и пр.¹) На женщине, которая изображена в кругу семьи, платок повязан таким образом, что надо лбом он имеет складку острием вверх. У девушки же, напротив, складка платка выступала острием вниз. Сведения о подобной манере женского повязывания платка я нашла в работе Н. П. Гринковой «Одежда западной части Калужской губернии». Она писала, что поверх повойника женщины носят платок, который завязывают концами под подбородком, над налобником повойника край платка образует так называемую *губачку* или *роги*. Эта губачка делалась специально: сложенный треугольником платок перегибали, т. е. складывали вдвое, и крепко закатывали, при одевании образовавшийся от складки маленький желобок должен быть сверху². Этот локальный обычай, описанный Н. П. Гринковой, а также то, что платок, относящийся к древнему типу головных уборов, к началу XX в. постепенно вытеснил многие другие головные уборы — не менее древние — заставили меня обратиться к теме «платка».

Этимология слов, производных от корня «плат», по В. И. Далю, означает: *Плат, платок, платочек, платишка, платчишка, платица, платчица* — четырехугольный равносторонний лоскут ткани; *плат* — значит плат, плоский³. Такие же определения находим и в древнерусских словарях: *плат* — часть, кусок, полоть, лоскут, обрывок, кусок ткани⁴. На севере и востоке Европейской России в XIX—XX вв. словом *плат* называют полотенце, скатерть, рубаху (*платно*) и верхнее женское платье⁵.

* Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1993. Т. 3. С. 247

Рис. 1. Девушка из с. Долгое
Даньковского у. Рязанской губ.
(МАЭ, № 1393-30).

Рис. 2. Крестьяне из с. Долгое
Даньковского у. Рязанской губ.
(МАЭ, № 1393-34).

Встает вопрос, с какого же времени «лоскут» ткани стал платком—головным убором? Археологические материалы и письменные источники позволили ученым реконструировать древнерусские женские и девичьи головные уборы IX—XII вв. и достаточно полно охарактеризовать русскую одежду XIII—XVII вв. Из ряда работ выделяется обобщающий труд М. Г. Рабиновича «Древнерусская одежда IX—XIII вв. и одежда русских XIII—XVII вв.», в котором содержатся интересующие нас сведения.

Древнерусский женский головной убор состоял из *подбрусника* или *повойника* с *подзатыльником*, поверх которых надевался *убрус* — богато вышитый головной убор в виде полотенца. Выходя на улицу, женщина надевала поверх всего головного убора платок⁶. Упоминание о сложном головном уборе и об «уличном» платке имеется и у И. Е. Забелина: в XV в. городские женщины носили головной убор, состоящий из подбрусника, подзатыльника и убруса, на который накидывалась *фата* или *плат/покров*. Плат, по его описанию, представлял собой четырехугольный кусок ткани, либо легкий — из турецкой и индийской выбойки, бязи и т. п., либо плотный — из набивной (разноцветной и одноцветной — алой, синей, но чаще всего белой или полосатой) материи⁷. Севернорусские сведения

середины XIX в. дают ту же картину: например, в Шенкурском у. Архангельской губ. женщины носили головной убор под названиями *шамшура*, *подзатыльник*, *кокошник*, *повязка*, повязывая сверху большой бумажный платок красного цвета или суконный полушалок⁸. Все это наводит на мысль, что фату, покров, плат, которые одевали женщины поверх головного убора, выходя на улицу, следует считать видами древнего платка. Многие же исследователи (Д. К. Зеленин, Г. Г. Громов и др.) считают древнерусским типом платка убрус, который со временем был заменен четырехугольным платком⁹. На наш взгляд, убрус — это всего лишь часть сложного женского головного убора в отличие от покрывала и платка, которые всегда были самостоятельными головными покрытиями.

Материал, изготовление и формы платка

Первичной основой платка служит отрез домотканого полотнища, гладкого или полосатого. Из того же прямоугольного куска полотна можно было сделать и косынку, разрезав ее по диагонали и пришив треугольник к короткой стороне отрезанной ткани. Во всяком случае, сделанная таким образом косынка хранится в фондах МАЭ (кол. № 266-7/15) и принадлежит белорусам Могилевской губ. С распространением набойки появились кубовые платки, а в XIX в. — платки и шали из хлопчатобумажных и шерстяных тканей, которые набивались вручную¹⁰. С 70-х гг. XIX в. крестьянки повсеместно в России стали употреблять покупные хлопчатобумажные нити, а немного позже платки стали делать из фабричных тканей. К концу XIX в. в основном уже носили фабричные платки из ситца, шерсти, шелка. Покупные платки, косынки, шали владелицы нередко дополнительно украшали по углам или по всему краю — бахромой, кистями, канвой, бисером или вышивали иногда — чуть ли не всю поверхность. Вытеснение домашних тканей в деревнях тканями фабричного производства шло медленно. Во многих местах продолжали делать платки, косынки, шали из домотканины — холста, шерсти.

Однако покупные вещи были предпочтительнее и престижнее, тем более что в конце XIX—начале XX в. узорные шерстяные и ситцевые платки изготавливались на фабриках Московской, Владимирской и Петербургской губ. (Первая мануфактура в России возникла в XVIII в.) Художественное оформление ситцев и полуситцев было самым разнообразным, но с конца XIX в. доминируют пышные узоры из крупных и мелких стилизованных цветов с разнообразной и насыщенной красочной гаммой. Широкую известность получили кумачовые платки фабрик Асафа Баранова в Москве и Владимирской губ.: на ярко-красном фоне платков рассыпаны тюльпаны, гвоздики, розы¹¹.

Платки разных фабрик различались материей, размерами, отделкой, расцветкой и т. п., откуда шла и вариативность их номенклатурных названий. Приведем некоторые из них: аглицкий, астаметный, бахмареный, беловышитый, вареный, шелковый, гарнитуровый, бурка, кичный, платок элизами, малече, наметками, тупеи (покрывальный), поплиновка, тальянка, уруменский, намотка, набойчатый, жаркие, золотые (коноватные), белокрайки (очень большие платки с белыми полосами по краям), коноватки (большие шелковые с золотыми клетками)¹².

В северо-западных губерниях отдавали предпочтение косынкам, которые носили как девушки, так и женщины. Праздничные косынки были из покупных тканей — шелка и штофа. В налобной части и по углам такой косынки зо-

лотыми и серебряными нитями гладью вышивали гирлянды цветов, веточки, плоды. В этих же губерниях помимо покупных тканей праздничные косынки делали из холста, украшая их по двум углам узором и обшивая края кумачом и бахромой из шерсти. В будние дни носили платки из набивного ситца, в основном красного фона с синими, желтыми, зелеными и черными цветами. Зимой на улице носили полушалки и шали — бумажные или шерстяные¹³.

В Верхнем Поволжье (Костромская, Нижегородская и др. губ.) крестьянки и мещанки надевали по праздникам шелковые платки или косынки — *головики* красного, голубого, но чаще черного или коричневого цвета, расшитые золотой или серебряной нитью с орнаментом в виде листьев, веток, бутонов и цветов. В Каргопольском у. Олонецкой губ. (конец XIX в.) золотой плат шили из белой бумажной ткани и один из углов расшивали золотом и серебром (битью, канителью) довольно крупным растительным узором; по краям платка нередко вышивали имя, отчество и фамилию владелицы¹⁴.

Разнообразен был ассортимент платков у однодворцев Воронежской губ. До первой половины XX в. здесь продолжали носить шелковые платки традиционных цветов — ярко-красного, желтого и оранжевого; более редкими были розовый и зеленый цвета. До 30-х гг. были «в почете» так называемые «французские» платки из ситца красного цвета с яркими цветами. Но особенно любили платки из тонкой шерстяной ткани с красными цветами по черной земле — «стаметавые», или, наоборот, с черными цветами по красной земле — «прохоровские», вероятно производства Прохоровской мануфактуры. Наряду с покупными ситцевыми и шелковыми платками были широко известны гладкие красные платки, сшитые из кумача или сатина, обшитые гарусом и бисером¹⁵.

В Тульской губ. более всего предпочитали платки из льняного холста, два края которого покрывали красной, затканной узорной строчкой и кружевом, а два других края оставляли без украшения; чаще же весь платок по краю обшивали кружевом или плетеным шнурком¹⁶.

Как правило, у девушек с хорошим приданым был целый набор платков — на все случаи жизни: домотканые, покупные, шелковые, ситцевые, шерстяные, теплые шали и платки для каждого дня, особые — для церкви, праздника и т. д.

С конца XIX в. платок (косынка) настолько широко распространился, что во многих регионах России его стали использовать уже и для создания головных уборов как женщины, так и девушки. Когда же женщина выходила на улицу, убор из платка покрывался другим платком. Причем здесь можно говорить о двух группах головных уборов, в которых использовались платки. В первой группе головных уборов платок особым образом завязывался, скреплялся и сохранял свою форму длительное время, во второй группе платок завязывался каждый раз снова, когда форма создавалась заново.

Повойник, сделанный из платка, в начале XX в. носили женщины в Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Пермской, Вятской и Петербургской губ. Делали его следующим образом. Голову покрывали косынкой с золотым шитьем, средняя часть длинной стороны косынки прикрывала лоб, концы косынки были обернуты на затылке, а надо лбом завязаны двухконечным бантом. Для того, чтобы платок (косынка) держал форму, его скалывали булавками, сшивали, поэтому во многих местах севера России подобные головные уборы называли *сколок*; поверх него обязательно повязывали еще один платок¹⁷. Подобный головной убор из Мезенского у. Архангельской губ. имеется в коллекции МАЭ (кол. № 893-22). Он выполнен из штофного кумача. В Донской обл. подобный головной убор из гладкого или мелкоузорного кумача назывался *стягашник*, его тоже покрывали верхним платком или шалью¹⁸. Молодые заонежанки вместо повойников по

Рис. 3. Женщина из Костромской губ.
(МАЭ, № 160-124).

праздникам иногда надевали *моду* или *колпачок*: шелковую косынку, три угла которой завязывали на лбу и скрепляли булавками¹⁹.

В начале XX в. в немногих деревнях Калужской губ. молодухи первого-второго годов еще «донашивали» головной убор под названием *складка*. Складка делалась из шелкового платка, чаще красного цвета; в передней части подкладывали картон, чтобы платок стоял надо лбом. Концы платка, сколотые на затылке, спускались по спине. Под складку надевали разукрашенный повойник. Женщина после первого или второго года замужества уже не носила складку, а только повойник²⁰. Молодые женщины Вятской и Костромской губ. просто завязывали шелковые платки надо лбом, а концы прятали или поднимали, как рожки²¹ (рис. 3). В Череповецком у. Новгородской губ. замужние женщины повязывали голову косынкой (*косынька*), два угла которой завязывали сзади, третий угол и два других конца убирали под узел. Косынка, повязанная таким способом, заменяла повойник. Такой головной убор сверху обязательно повязывался платком. Причем молодые женщины завязывали платок под подбородком, а пожилые и старые — сзади²². В Донской обл. платок, сложенный в виде повязки, назывался *связка*²³.

Также широко использовали платок и девушки для создания своего головного убора — девичьей повязки. Здесь тоже можно говорить о двух группах головных уборов: в первом случае платок складывают и сшивают, во втором — складывая, просто завязывают. В Орловской и Курской губ. девушки

носили повязку из фабричного платка в большинстве случаев розового цвета с зеленым. Платок складывали в форме повязки и сшивали раз и навсегда, а концы срезали и пришивали наискось²⁴. В Вологодской губ. девушки шелковую косынку завязывали *полголовкой* — концами наперед, на полголовку накаливали цветы, а сзади приделывали небольшой бант из шелковых лент²⁵. Девушки, отправляясь в церковь, на праздник, а также при выполнении длительных работ на улице, на дальних переездах покрывали голову еще и платком. Часто даже в зимнее время девушки ходили по деревне в платке, который закрывали только лоб и уши, оставляя открытой макушку²⁶.

В XX в. эти сложные или не очень сложные конструкции головных уборов из платков как у женщин, так и у девушек были постепенно вытеснены просто платками, завязывающимися на узел спереди или сзади.

Способы ношения платков

Г. С. Маслова в своей книге «Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX—начале XX в.» приводит описание разнообразных способов ношения платков. Древнейший из них — это набрасывание платка на голову *внакидку*, т. е. не повязывая его. В России подобный способ был известен в городах в XVII в. В крестьянской среде способ ношения платка *внакидку* долго сохранялся в свадебной и похоронной обрядности. *Внакидку* носили также тяжелую шерстяную шаль, сложенную посередине или по диагонали, отправляясь в дорогу в зимнее или ненастное время; под шалью голову повязывали обычным способом легким ситцевым или вязаным платком.

По Г. С. Масловой, достаточно древним является способ ношения платка *на покромку*: развернутый или сложенный по диагонали косяком платок повязывали на голову, скрепляя его края булавками. Способ скалывания платка под подбородком был наиболее распространен до XX в. в Поволжье, особенно у старообрядок Нижегородской, Костромской, а также в Архангельской, Олонецкой и Владимирской губ., где он назывался *по-богородицкому, на покромку*, т. е. по образу некоторых изображений головного покрывала Богородицы. Далее у Г. С. Масловой идет описание способов завязывания платка, разновидности которых систематизируются в зависимости от места расположения узла — спереди или сзади. Первый способ имеет две разновидности: а) концы платка или косынки, сложенных треугольником, завязываются спереди надо лбом; б) концы завязываются под подбородком. Способов завязывания сзади три: а) концы платка, сложенного треугольником, скрещиваются под подбородком и завязываются сзади на шею; б) концы, обвивая голову, завязываются сзади, сверху заднего косячка или же под ним; в) платок, свернутый жгутом, повязывается по очелью головного убора (повойника) и завязывается концами сзади²⁷ (рис. 4, 5, 6).

Г. С. Маслова не затрагивала вопроса социовозрастных различий в ношении платков и способов их повязывания. Дополним ее описание в этом ракурсе. Так, можно утверждать, что различными были способы повязывания платков в девичьей и в женской группах. В первой группе различались будничные и праздничные повязывания девочкой и совершеннолетней девушкой; особым было ношение платка невестой — от *накидки* (во время плача — причитаний) до скрепления под подбородком. Различались повязывания платков у молодежи, пожилой женщины и старухи в будни, воскресенья, праздники и т. п. Кроме того, учитывались и погодные условия.

Рис. 4. Замужняя женщина
из с. Горохово Даньковского у.
Рязанской губ. (МАЭ, № 1393-4).

Рис. 5. Девушка и замужняя женщина
из д. Татишево Даньковского у. Рязанской губ.
(МАЭ, № 1393-23).

Рис. 6. Женщины за вязанием сетей.
Рязанский у. Рязанской губ. (МАЭ, № 2106-8).

Во Владимирской губ. девушки в будни ходили с открытой головой или покрывали платок, сложенный в виде повязки, под косу, оставляя затылок открытым. В праздники они надевали поднизь из жемчуга, а сверху платок, который завязывали под подбородком²⁸. В Вологодской губ. девушки в будни также ходили по улице без платков, а женщины — обязательно в платках, бумажных или из холста в мелкий узор²⁹. В Казанской губ. девушки-«невесты» ходили с открытой головой и платком на шее, а женщины — в платках³⁰. (В Заонежье парень, который стал женихом, также начинал носить на шее косынку красного или белого цвета³¹.)

Таким образом, девочки обязательно носили платок, девушки, достигшие совершеннолетия, уже не носили платки, но использовали их в качестве повязки. Отсюда и поговорка — «Гуляй, покуда голова (т. е. темя. — Л. Л.) не покрыта!»³² У девушки-«невесты» платок появлялся на шее. И только в праздники и в воскресные дни, которые были связаны со службой в церкви, девушки поверх повязки носили платки. Причем платки, которые носили девушки, должны были отличаться от платков женщин. Фотографии, с описания которых мы начали статью, как раз и фиксируют этот случай: рязанская женщина, которая уже не носит традиционного головного убора, продолжает имитировать этот убор желобком-рогами вверх из платка. Что же касается платка «желобком вниз» на голове девушки, то это требует особого расследования.

Обрядовые функции платка: игра и свадьба

В традиционной культуре социальный статус любого человека «прочитывался» в том, как он был одет, а у женщины акцент делался на головной убор. Платок, который повязывался поверх головного убора при выходе на улицу, видимо, нес свою символическую нагрузку. Поскольку известно, что функцию закрывания волос (см. «не светить волосами») ³³ исполнял головной убор, то встает вопрос: какую функцию нес платок? Еще раз напомним, платок носили девочки одновременно с сарафаном, юбкой и сережками в возрасте 7—11 лет. Совершеннолетние девушки чаще повязывали платок на шею или накидывали на плечи в знак того, что они еще «не покрыты», но готовятся к этому.

Для общины, рода особенно важным было создание благополучной семьи. Только такая семья — без раздоров, болезней может дать полноценное потомство. Через свадьбу, свадебный обряд происходило создание новой и благополучной семьи. Во время свадьбы — перехода из одной социальной группы в другую, жених и невеста претерпевают символическую смерть и новое рождение. Они как бы находятся на грани двух миров — жизни и смерти. Все ступени этого перехода необходимо провести так, чтобы оградить новобрачных, укрыть и защитить их. Для этой цели во время свадьбы прибегают к разным магическим действиям с приглашением колдуна, знахаря, с использованием иголок, булавок, кусков сети, семян льна, денег и т. п. Особое же место здесь отводилось платку, которым покрывали, завешивали, отделяли, особенно невесту и жениха, а часто и других участников обряда, а также покрывали угощения, подаваемые для молодых на стол, дары и многое другое.

А. Афанасьев пишет: «В нашем языке понятия "прятаться" и "одеваться" обозначаются одинаковыми словами: наряд, обряда-платье, женские уборы, обряжаться — переодеваться, маскироваться и укрываться, прятаться»³⁴. В словаре древнерусского языка слово «покров» объясняется как защита, защитник. Само слово «покров» означает спрятаться под кров, укрыться³⁵.

Таким образом, платок необходим, чтобы под ним укрыться, спрятаться. В то же время надо помнить, что платок — это кусок какой-либо ткани, изначально — полотна. Достаточно распространенное название полотна *платно* имеет общий корень со словом плат, платок. Вот почему так легко можно было заменить платок куском полотна. В одной из частушек, записанной в Казанской обл., поется: «Мажет милый полотном»³⁶. Часто на свадьбе, наряду с отрезами ткани на штаны, рубашки, дарили ткань и на платок. Верования же, связанные с полотном, сосредоточены на представлениях о взаимосвязи жизни и смерти, прошлого и настоящего. Полотно как бы связывает мир мертвых и мир живых. Оно воплощает предков, которые помогают живым и дают все, что они просят — плодovitость женщинам, счастье людям³⁷.

Во время свадьбы невеста и жених достигают пика жизни, дальше жизнь пойдет на убыль, спад. Именно в период свадьбы они оказываются между небом и землей, жизнью и смертью. Во время же венчания — на небе. Ведь недаром говорят: «Браки заключаются на небесах». Вспомним, что на голову осужденного на смерть набрасывают покрывало. Идея защиты, покровительства, покрова заставила нас обратиться и к православному празднику Покрова Пресвятой Богородицы, который отмечается Русской Церковью 1 (14) октября в память явления Богоматери Андрею Юродивому и его ученику во Влахернском храме в Константинополе, где хранилась риза Богородицы. Богоматерь после молитвы сняла с себя мафорий (длинное покрывало, закрывающее голову и плечи и спускающееся вниз) и простерла его над молящимся народом. В тропарях в честь иконы Божией Матери на Покров поется: «...умильно глаголем: покрый нас честным Твоим покровом и избави нас от всякаго зла, молящи Сына Твоего Христа Бога нашего, спасти души наша».

Во многих местах России с этого праздника начинались свадебные осенние недели. Первый снег, выпавший в этот день, был счастливым предзнаменованием для обрученных. Праздник Покрова считался девичьим праздником. В этот день все девушки-«невесты» обязательно посещали церковь и ставили свечку перед образом Покрова Богородицы (если он был) и читали особые молитвы: «Мать-Покров, покрой мать-сыру землю и меня молоду». В этот день обращались и к Параскеве-Пятнице, выполнявшей сходные с богородичными функции: «Матушка — Пятница-Параскева, покрой меня поскорее»³⁸.

С Покрова во многих губерниях России начинались и молодежные посиделки, где атрибутом многих, едва ли не всех, игр с выбором пар молодежи стал платок. Во время игры парень и девушка по очереди использовали платок как знак выбора напарницы или напарника. В Новгородской обл. посиделки, как правило, и начинались «выборной игрой». Под песню «Как по первой по пороше... / Ходил молодец хороший» молодец выходил на середину и начинал прохаживаться около девиц:

Он кидает, он бросает
Шелковой-то он платочек (разрядка моя. — Л. Л.)
Девке на колени...

Девушка, которой парень кинул платок, выходила на середину и ходила с ним под песню, которая заканчивалась поцелуем, парень садился на место, а девушка, в свою очередь, бросала платок на колени другому парню:

Шелковый платочек
Парню на колени...³⁹

Для игр использовали носовой платок, ширинку, головной платок или свернутый из полотенца жгут; в игре *Ящер* парень-«ящер» набрасывал платок на девушку⁴⁰.

Во многих районах России в дни Покрова и Параскевы-Пятницы устраивались смотрины невест. На Севере на смотрины девушки-«невесты» приходили в лучших нарядах, а в руках они держали вышитый платок — ширинку. Весной или летом в таких же богатых нарядах девушки водили хороводы, круги, а в руках держали платки или на руках висели небольшие шали, вышитые полотенца⁴¹.

Интересно, что название *ширинка* сохранилось в основном за праздничным носовым платком или подарочным. Когда женщины или девушки собирались в церковь, в гости или на какой-то другой праздник, они в руках всегда носили ширинку, в некоторых местах его так и называли — *ручной платок*⁴². Ширинки кроили из тонких хлопчатобумажных тканей или из тонкого полотна. Особая ценность ширинки заключалась в вышивке, куда женщины и девушки старались вложить не только свое мастерство, но и душу и мысли. Ширинка как бы была предметом домашнего рукоделия и образцом рукоделия, таланта женщины или девицы. Несомненно, такой платок занял заметное место в наряде девушки-«невесты» во время смотрин, на праздниках, в хороводах, на свадьбах и т. п., где он был наглядным доказательством рукодельных способностей девушки-«невесты»⁴³ (см. статью Т. А. Бернштам в наст. сборнике).

Функции платка/покрывала изменялись в течение свадебного ритуала. Так, в Калужской губ. последнюю неделю перед свадьбой невеста *кручинится*, т. е. ходит и плачет в кручинном наряде, в кручинном беленьком платке. На венчание поверх рубахи ей спереди вешали платок, продев концы в проймы рубахи; на голову надевали золотой венец или платок, свернутый *на грамотке*; перед самым выходом к венцу на нее накидывали *дынку* — платок из легкой ткани, шелковой, часто с цветами, или из кисеи, тюля. После венчания окрученную в женский головной убор невесту снова покрывали дынкой⁴⁴. В Тамбовской губ. перед венчанием на невесту накидывали розовый шелковый платок с бахромой⁴⁵. В Архангельской губ. перед венцом, после благословения, жених невесте набрасывал на голову платок — *гумульку* так, чтобы он закрывал ей лицо. Женщины пели: «Пала гумулька на буйную голову...» В гумульке невеста стояла под венцом⁴⁶. В Тотемском у. Вологодской губ. перед венцом на невесту накидывали шаль, и кисти шали висели над лицом⁴⁷.

В Ярославской губ. невесту в церковь также везли под платком⁴⁸.

Итак, в течение свадьбы платок-покрывало укрывало невесту в самые ответственные переходные моменты. Покрывали невесту перед венчанием, снимали и снова накидывали покрывало после обряда окручивания (надевания женского головного убора), который происходил в церкви, в доме невесты или жениха. Совсем раскрывали молодую уже за свадебным столом в присутствии всех родственников. Это был очень важный момент свадьбы — «рождение» человека в новом статусе и качестве, признание и принятие его всеми родственниками. Снимал покрывало с невесты кто-нибудь со стороны жениха — дружка, свекровь, свекор, одна из родственниц или сам жених. Обряд происходил в *переднем/красном* углу за столом, куда садились молодые. Снимали покрывало не рукой, а с помощью различных предметов: кнута, пирога/хлеба, ухвата, палки, сковородника и т. п. При этом дружка это делал непременно кнутом или палкой, свекровь или свекор использовали домашнюю утварь или хлеб. Этот обряд был очень выразителен. Например, в Вятской губ. платок с новобрачной снимала родственница жениха, при этом она три раза крутила плат-

ком вокруг голов жениха и невесты, а потом клала его в шапку жениха и ставила в *передний* угол, под иконы. Этот обряд назывался «снять покров»⁴⁹.

В день свадьбы покрывали не только невесту, но и жениха, а также всех, кто ехал в свадебном поезде. В Донской обл. плечи жениха покрывали одним или двумя большими платками, его родственников и товарищей также обвязывали платками⁵⁰. В Витебской губ. жених и его свита покрывали свои плечи красными платками, в форме косынок, завязанных на груди⁵¹.

Все перечисленные примеры указывают на то, что платок (платки) невесте и жениху, а также всем другим участникам свадьбы служил *п о к р о в о м*, который их объединял, оберегал и защищал. Особенно это важно было в дороге, когда участники свадьбы покидали дом, отправляясь в церковь. Здесь тщательно закрывали невесту, ее просто обвешивали платками, укрепляя платок спереди на груди, обворачивая шею и т. п. Сверху одного покрывала могли набросить еще одно — побольше. В руках невесты также были платки — один или два. Руками в платках она прикрывала и рот.

Все выводы невесты к столу, к жениху во время свадьбы обязательно происходили с помощью платка. В Шенкурском у. Архангельской губ. перед венчанием брат выводил сестру-невесту на середину избы за платок, а руку с платком держал как можно выше. Жених в шерстяной рукавице должен был вырвать этот платок, дав его невесте, сам повести ее за стол, предварительно обведя вокруг себя три раза⁵². В Минской губ. сват давал невесте в руку конец платка и обводил ее вокруг стола троекратно, далее выводил невесту во двор к повозке, за невестой шли жених и все присутствующие⁵³. В Архангельской губ., когда жених и невеста летом шли пешком в церковь, то они держались за концы платка⁵⁴.

В этих обрядах платок, с одной стороны, соединял жениха и невесту, чтобы никто не прошел между ними, а с другой — защищал, оберегал их в дороге, по которой они шли. На царских свадьбах путь жениха и невесты от стола к дверям в буквальном смысле устилали кусками материи. Устилали камками дорогу от дома до церкви и при этом наблюдали, чтобы никто не проходил между женихом и невестой. Путь от церковных дверей до наложницы также устилался кусками материй, лежало полотно и на полу перед наложницей⁵⁵.

Как мы видим, в позднем крестьянском свадебном обряде основную символическую нагрузку взял на себя платок: это был символ «покрытия» (сокрытия) всего, что имело отношение к молодым. Особенно это правило соблюдалось, когда молодым подавали еду или одежду. Во Владимирской губ. свахам, которые должны были надеть на молодую женский головной убор, он подавался покрытым платком и перед окучиванием священник снимал платок и благословлял убор⁵⁶. Еда, предназначенная молодым, обязательно покрывалась платком, более того, если молодые ели за общим столом в присутствии гостей, то их закрывали платком от всех. Известно, что дом, как и все в доме, должно быть покрыто (закрыто) всегда — крышками или скрещенными лучинками. Это распространялось на всю утварь (горшки, ведра, квашня), а закрытые сундуки еще раз накрывались покровом⁵⁷.

Платки нашли широкое применение в качестве упаковки для переноски еды, всевозможных угощений, особенно на свадьбе, когда приходилось переносить и перевозить из дома в дом значительное количество угощений, даров, приданого и пр. В этих же целях использовали платок и в обычные дни, когда надо было отнести еду или перенести из дома в дом одежду, пряжу. Как правило, дар, подарок невесте или от невесты был покрыт платком или завернут в платок. Такая «упаковка» была необходима, в первую очередь, чтобы защитить

вещь от порчи, от сглаза, а также, чтобы не испачкать вещь, так как сверху да-
р обязательно клали кусок хлеба или пирога.

Платки непременно входили в дары невесты или жениха, которыми начи-
нали обмениваться чуть ли не сразу после сватовства. Причем головные платки
и ширинки составляли самостоятельный дар или входили в его состав наряду с
другими вещами. Например, в Пензенском у. во время девешника жениху от
невесты привозят шерстяные перчатки и ситцевый платок⁵⁸. Платки или заго-
товки для платков входили в обязательные подарки невесте, другим членам се-
мьи жениха (золовкам, деверьям) и участникам свадьбы, например друзьям.
Так, среди подарков родне жениха были обычно материи на сарафан, рубашки,
повойники, платки и косынки⁵⁹. В Вологодской губ. отцу жениха дарили ткань
на штаны, на рубашку, матери — ситцу на рубашку, бумажную шаль, братьям
жениха — ситцу на рубашки, сестрам — по отрезу кумача, крестным родите-
лям — ткань на штаны и платок⁶⁰. Невеста одаривала не только родню жениха,
но и свою. Это были полотенца, куски холста. Часто платок или платки входили
в состав даров невесте от жениха. Платками жених одаривал и других участ-
ников свадьбы.

Проследив символику платка, начиная от обыденной ситуации и кончая
таким обрядом, как свадьба, можно сделать следующее заключение. Платок
выполнял роль некой границы между жизнью и смертью, преграды нежела-
тельному воздействию извне, из другого мира. Особенно ярко это прочитыва-
ется в сказках с мотивом «бегство от врага». Герой — один или с невестой спаса-
ется бегством, бросая позади себя различные предметы, среди которых бывает
и платок (полотенце), превращающийся в водную или огненную преграду —
реку, в мифологии разделяющую царство живых и царство мертвых. Причем
героине платком достаточно было взмахнуть: «Она взмахнула ширинкой, и сде-
лалась огненная река»⁶¹.

Итак, в символическом аспекте платок — это покров, под которым можно
укрыться и защититься от любого врага. Свадебный платок, говоря образно,
остается на голове женщины до конца ее жизни, и только в зависимости от
возраста менялись способы повязывания и расцветка платков. Женщина, ре-
ализовавшая пик жизненной энергии, т. е. ставшая матерью, считалась как бы
находящейся под покровом Божией Матери, что, в свою очередь, освя-
щало покровительство рода, семьи, мужа.

¹ Токарев С. А. Этнография народов СССР. Изд-во МГУ, 1958. С. 31.

² Гринкова Н. П. Одежда западной части Калужской губернии. Л., Гос. Русский музей, 1927. С. 29 (далее: Гринкова, 1927).

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979 (далее: Даль). Т. 3. С. 305—306.

⁴ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 2. Ч. 2 (далее: Срезневский). С. 955; Словарь русского языка XI—XVII вв. (далее: СлРЯ). Т. 15. М., 1975. С. 78.

⁵ Словарь русских народных говоров (далее: СРНГ). Вып. 27. С. 99.

⁶ Рабинович М. Г. Древнерусская одежда IX—XIII вв. и одежда русских XIII—XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 42—111.

⁷ Забелин И. Е. Домашний быт русских царств в XVI—XVII ст. М., 1869. С. 617.

⁸ Зеленин Д. К. Описание рукописного архива Императорского Русского географического общества (далее: ОРУАИРГО). Пг., 1914. Вып. 1. С. 27.

⁹ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991 (далее: Зеленин, 1991). С. 254; Громов Г. Г. Одежда // Очерки русской культуры XV в. Ч. 1. М., 1977. С. 216.

- ¹⁰ Корсун Э. А. Набивные ткани // Добрых рук мастерство. Произведения народного искусства в собрании Государственного Русского музея. Л., 1976. С. 121.
- ¹¹ Там же. С. 121—122.
- ¹² СРНГ. Вып. 7. С. 231; Вып. 20. С. 36; Вып. 27. С. 97—99.
- ¹³ Крестьянская одежда населения Европейской России. М., 1971. С. 63.
- ¹⁴ Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX—начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956 (далее: *Маслова*, 1956). С. 663.
- ¹⁵ Гринкова Н. П. Одноручечская одежда Коротоякского уезда Воронежской губернии. Изд-во Пед. ин-та им. А. И. Герцена. Вып. 1. 1928. С. 166—167.
- ¹⁶ Крестьянская одежда... С. 106—113.
- ¹⁷ Там же. С. 161.
- ¹⁸ Там же. С. 258.
- ¹⁹ Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб., 1993. С. 112.
- ²⁰ Гринкова, 1927. С. 29—30.
- ²¹ ОРУАИРГО. Т. 2, 19. С. 408.
- ²² АРЭМ, ф. 7, оп. 1, № 846, л. 10.
- ²³ ОРУАИРГО. Т. 2, 19. С. 467.
- ²⁴ Святский // ЖС. 1910. Кн. 73. Вып. 1. С. 4—17.
- ²⁵ ОРУАИРГО. Т. 1, 19. С. 208.
- ²⁶ Маслова, 1956. С. 664.
- ²⁷ Там же. С. 663—666.
- ²⁸ ОРУАИРГО. Т. 1. С. 161—168.
- ²⁹ Там же. С. 208.
- ³⁰ Там же. Вып. 2. С. 531.
- ³¹ Логинов К. К. Указ. соч. С. 113.
- ³² Даль. Т. 3. С. 247.
- ³³ Гаген-Торн Н. И. Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы // СЭ. 1933. № 5—6. С. 78—79; Зеленин, 1991. С. 254—256 и др.
- ³⁴ Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М., 1994. С. 543.
- ³⁵ Срезневский. С. 955.
- ³⁶ СРНГ. Вып. 29. С. 123.
- ³⁷ О полотне см.: Шангина И. И. Образы русской вышивки на обрядовых полотенцах XIX—XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975. С. 3—17.
- ³⁸ Даль. Т. 3. С. 247.
- ³⁹ Лобанов М. А. Посиделки в Новгородской области. Песни и игры. Новгород, 1988. С. 3.
- ⁴⁰ Бернштам Т. А. Следы архаичных ритуалов и культов в русских молодежных играх «Ящера» и «Олень» (опыт реконструкции) // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л., 1990. С. 17—20.
- ⁴¹ Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX—начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. С. 246.
- ⁴² Забелин И. Домашний быт... М., 1869. С. 636.
- ⁴³ Подробнее о ширинках см.: Шангина И. И. Обрядовая одежда восточнославянских народов в собрании Государственного музея этнографии народов СССР // Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX—начала XX в. М., 1984 (далее: *Маслова*, 1984). С. 191—195.
- ⁴⁴ Шереметьева М. Е. Свадьба в Гамаюншине Калужского уезда. Калуга, 1928. С. 14, 32—36.
- ⁴⁵ Гаген-Торн Н. И. Свадьба в Салтыковской вол. Моршанского у. Тамбовской губ. // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926. С. 184
- ⁴⁶ Маслова, 1984. С. 663.
- ⁴⁷ Едемский М. Б. Свадьба в Кокшенге Тотемского уезда Вологодской губернии // ЖС. 1910. Вып. 1—4. С. 76.

- ⁴⁸ Село Давшино Ярославской губ. Пошехонского у. (св. А. Архангельского) // ЭС. Вып. 2. 1854. С. 21—24.
- ⁴⁹ ОРУАИРГО. Вып. 1. С. 411.
- ⁵⁰ Там же. Вып. 2. С. 468.
- ⁵¹ Там же. Вып. 1. С. 62, 136.
- ⁵² Там же. Вып. 1. С. 39.
- ⁵³ Там же. Вып. 2. С. 690—691.
- ⁵⁴ Там же. Вып. 1. С. 39.
- ⁵⁵ Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забылиным. М., 1880. С. 552.
- ⁵⁶ Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах. СПб., 1900. Т. 1. Вып. 2. С. 667.
- ⁵⁷ Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 177—178.
- ⁵⁸ Астров Н. Крестьянская свадьба в с. Загоскине Пензенского уезда // ЖС. 1905. Вып. 1—4. С. 415.
- ⁵⁹ Шмаков И. И. Свадебные обычаи и причитания населения Терского берега Белого моря // ЭО. 1903. № 4. С. 67.
- ⁶⁰ Неуступов А. Д. Крестьянская свадьба в Васьяновской волости // ЭО. Кн. 56. С. 54.
- ⁶¹ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 346—348.